

В. А. ЯДОВ (1988 - 2000)

1. Я был назначен в период горбачевской перестройки директором-организатором Института социологии, которому было предписано решениями Политбюро ЦК КПСС, а затем - президиумом Академии наук реформировать свою деятельность и в качестве головного координировать исследования в области социологии. Поэтому предложить программу серьезных преобразований стало моей первой и главной задачей. Надо было развернуть все без исключения подразделения в сторону освоения теоретико-методологических подходов в современной мировой социологии. Препятствия цензурного свойства отпали, но мы были зашорены и видели либо путь по прежней колее, либо развилку в сторону структурного функционализма. Кроме того некоторые сотрудники института вовсе к социологии не были причастны. Я опирался на знания, почерпнутые во время давнишней стажировки в Англии и кое-какую литературу. Занялся самообразованием, так как прежде собственно теоретическая социология не входила в круг моих интересов.

Период "теоретической реформации" института занял, я думаю, лет семь-восемь. На наших годовых отчетных сессиях выступали и подвергались нелюбезной критике все руководители проектов. Вошло в правило искать изъяны в исследованиях, помогать советом. Никаких демонстративных для внешней среды докладов не было. Мы стали отбирать лучшие сообщения для научных сессий с приглашением коллег из других учреждений.

Кроме того, как директору головного научного учреждения мне приходилось много времени уделять обсуждению проблемы "перестройка в социологии" на общесоюзных совещаниях и с той же целью выезжать на социологические конференции в страны СЭВ. Болгарские, чехословацкие коллеги не всегда принимали идею о том, что следует наряду с историческим материализмом опираться и на другие фундаментальные теории. Польские социологи и так в этом не сомневались, а вот ряд ведущих социологов ГДР, напротив, резко полемизировали.

Вторая по значимости реформа - организационная перестройка. Было объявлено приказом по институту, что в течение месяца любой сотрудник может заявить о переходе в другое подразделение, предложить собственный проект. Благодаря этому произошел "естественный отбор", более перспективные и продуктивные оказались в ряду выигравших, а менее - в числе проигравших. Приобретенные в этот период навыки очень помогли в будущем, когда начали работать научные фонды, отечественные и зарубежные. Ведь гранты получают не по формальному статусу "зава" или по званию, а по реальным исследовательским способностям. Наш институт постоянно лидировал (и сейчас лидирует) по численности грантов на "душу" сотрудников.

В кадровой политике я считал важнейшим делом - вернуть в институт моих коллег, в свое время вынужденных покинуть ИКСИ, а также "переманить" кого удастся из других институтов. Надо было создать сильное профессиональное ядро. К нам вернулись или пришли Г. Батыгин, А. Галкин, Л. Ионин, Ю. Красин, В. Магун, В. Щубкин, О. Яницкий, все они лидеры своих научных школ. Жаль, что Игоря Кона и Лена Карпинского уговорить не удалось. Исключительно важным был отбор молодежи из разных регионов страны для обучения и стажировки в университетах Англии, Герма-

нии, США и Франции. К счастью, подавляющее большинство из них вернулись на родину, многие обрели заслуженную репутацию серьезных ученых, например, Е. Омельченко, Н. Шматко, Ю. Качанов, Е. Ярская-Смирнова и П. Романов, А. Согомонов, всех не перечислить. Добавлю, что сильный профессиональный коллектив питерцев во главе с Б. Фирсовым был выведен из состава ИСЭП (его авторитарный директор того времени в социологии ничего не смыслил) в качестве нашего филиала, а позже стал самостоятельным социологическим институтом.

В постановлении Президиума АН СССР о создании Института социологии говорилось, что институт должен заниматься исследованиями *фундаментальных* проблем нашего общества. Ученому совету предстояло определить эти проблемы. Получилось то, что, как теперь ясно, и должно было произойти. Коллектив раскололся надвое: одни сотрудники сгруппировались на основе научной программы Г. В. Осипова, другие (большинство) на основе программы директора. Наша программа была нацелена на содействие перестройке, а программа моего коллеги представлялась несколько консервативной. Развело эти точки зрения образование двух социологических институтов, Геннадий Васильевич возглавил ИСПИ РАН.

И, наконец, еще одно осмелюсь сказать радикальное дело - это создание при нашем, как и при других социогуманитарных институтах РАН, факультетов академического университета ГУГН, в становлении которого мы с В. С. Степиным были самыми активными энтузиастами. Это деяние я считаю провидческим. Сейчас Министерство взяло курс на организационную интеграцию науки и образования, так что ГУГН нынче лидирует в этом направлении. Наш факультет вот уже третий год получает немалую финансовую подпитку по исследовательскому гранту Министерства. Участвующие в исследованиях студенты добавляют к стипендии по гранту сумму в полтора раза выше стипендии, а преподаватели помимо денег получили отличную подпитку из молодых сотрудников и помощников в исследованиях*.

2. Это трудный вопрос, потому что не избежать субъективизма при выделении "важного" и в силу ошибок памяти. Тем не менее, я бы отнес к значительным в первую очередь мониторинговые исследования. Первый и уникальный по общественной значимости мониторинг (можно сказать опросный марафон) мы осуществили во время Первого съезда народных депутатов совместно с ВЦИОМ. Люди тогда, не отрываясь, следили за прямыми трансляциями из Дома Союзов. Мы создали оперативную группу для проектирования общесоюзной выборки и формулировки вопросов. Ежедневно по очереди с ВЦИОМ (от них главным был А. Левинсон, от нас В. Мансуров) опрашивались граждане по республикам и российским регионам, по типам поселений. Люди отвечали на три-четыре вопроса, которые, как правило, касались поддержки или несогласия с наиболее ярким событием предыдущего опроса дня. Невероятными усилиями удавалось за ночь обработать данные, полученные по факсу, и наутро представить их в листовке для депутатов и в прессу. Каждую информацию я должен был показать Чебрикову, тогдашнему главе КГБ, а если он высказывал сомнения, то обращался к секретарю ЦК Вадиму Медведеву, с которым мы были дружны со студенческих лет. Только однажды не удалось преодолеть сопротивление Чебрикова. Больше половины опрошенных поддерживали призыв Сахарова вывести войска из Афганистана и осуждали Горбачева, который, как известно, прервал его речь на заседании.

Я считал, что в годы перестройки и в период постсоветских реформ особо важно отслеживать динамику социальных процессов. Поэтому к значительному отношению уникальное репрезентативное исследование под руководством П. Козыревой и М. Косолапова практически всех сторон жизни людей. Для этого исследования впервые были разработаны (с участием известного в этой области специалиста из Мичиганского университета проф. Киша) уникальная посемейная выборка, которую М. Косолапов

---

* В "Социологическом журнале" за 2007 г. (N 4) опубликованы 4 статьи по этому проекту.

развил в региональном разрезе. Проект РМЭЗ финансировался Госкомстатом, сегодня продолжается, и его данные в открытом доступе широко используются коллегами из других учреждений, студентами и аспирантами.

Также достойным упоминания я полагаю мониторинг становления новых социальных идентичностей (Е. Данилова и В. Ядов), который длится более 20 лет, включая сравнительное исследование с польскими социологами, и сейчас - с украинскими и китайскими. Идентификационная проблематика в постсоветском обществе, в котором люди с трудом ориентируются в пространстве "своих" и "чужих", исключительно важна для понимания происходящего. В том же ряду - проект В. Магуна, основанный на данных международного исследования сдвигов в системе ценностей. Трудно не назвать исследования под руководством З. Голенковой по проблемам социального расслоения. Из монографических публикаций нескромно назову вышедшую под моей редакцией коллективную работу "Социология в России". Впервые была сделана попытка совокупно рассмотреть развитие различных направлений отечественной социологии от ее становления в царской России до нашего времени. Был опубликован фундаментальный пятитомный труд по истории мировой и русской социологии под ред. Ю. Давыдова, несколько монографий и учебных пособий в области методологии (Г. Батыгина, И. Девятко, В. Семенов, Г. Татаровой, Ю. Толстовой). Институт может гордиться монографическими исследованиями О. Яницкого в области нового для нас направления - социологии риска и его трудами в области экосоциологии, исследовательской команды В. Шубкина и Д. Константиновского (социология молодежи и образования), работами Т. Дридзе по методологии управления с учетом "человеческого фактора". В области теории я высоко ценю начатые в то время новаторские работы Л. Ионина по социологии культуры, А. Филлипова (проблемы социологии пространства), Н. Шматко (руководитель российско-французского центра) и Ю. Качанова, которые позволяют с иных позиций взглянуть на наши проблемы и усилиями которых отечественный читатель ознакомился с теоретико-методологическими трудами П. Бурдьё.

Что касается значительных достижений того времени коллег не из нашего института, я бы прежде всего назвал труды Т. Заславской по системному анализу российских трансформаций и шире - работы новосибирской экономсоциологической школы, развернутую исследовательскую программу по экономической социологии В. Радаева. Экономсоциология - принципиально важное направление именно в рыночном обществе. Крупное событие - старт систематических исследований общественного мнения (Б. Грушин - апостол этого направления). Примечателен мониторинг Н. Лапина, начатый 15 лет тому назад: исследование сдвигов в ценностных ориентациях. Его основой является оригинальная и адекватная нашему обществу концепция интегрирующего ценностного ядра и разобщающей периферии. Общепризнаны книга и серия статей Ю. Левады о советском и постсоветском человеке. Крайне актуальны исследования Ю. Арутюняна и Л. Дробижевой в области этносоциологии, продолженные в условиях острых межэтнических конфликтов, теоретические разработки А. Здравомыслова в этой области, новаторские работы в социоантропологии питерцев (В. Козловский) и позже П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. Очень высоко я оцениваю возрождение исследований российского крестьянства, которые были инициированы Теодором Шаниным.

Трудно охватить сколь-нибудь полно новую проблематику и перечислить лидеров новых направлений исследований 1990-х гг. Казалось, что настал "момент истины", открылись глаза на многое. Теперь мы понимаем, что глубокое уяснение фундаментальных социальных проблем российского общества требует постоянных профессиональных усилий множества исследователей и не имеет предела во времени.

3. На вопрос о выдающихся социологах позволю себе не отвечать, т.к. не хочу обидеть кого-либо из коллег и не считаю себя вправе расставлять такие оценки. Они неминуемо субъективны, что читатель уже заметил из сказанного выше.

4. Оглядываясь назад, вижу два главных изъяна в своей работе. Я мало уделял внимания издательской деятельности института и его имиджу. Я также считал, что для

серьезного анализа трансформационных процессов следует располагать достаточной эмпирической базой лонгитюдных или квазилонгитюдных обследований, и с явным запозданием начал стимулировать институтские сборники и монографические издания. Здесь лидировал В. Патрушев, располагавший богатейшими данными изучения бюджетов времени.

Второй изъян связан с моими не лучшими административными способностями. С учетом жуткого положения с финансированием (бывало, что символическую зарплату задерживали на месяц, а денег на другие нужды вовсе не выделяли) можно все-таки было извернуться и добыть средства на издания и ремонт помещений.

Понятно, что жанр мемуаров неминуемо страдает пристрастностью автора. Прошу принять это во внимание.